

© 2012 г. АННА А. ЗАЛИЗНЯК, И.Л. МИКАЭЛЯН

О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИОННЫХ МОМЕНТАХ АСПЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЛОРЫ ЯНДЫ

В статье содержится критический разбор теории русского вида, разрабатываемой Лорой Яндой и ее соавторами в рамках когнитивного подхода к грамматике и отраженной в ряде публикаций, включая статью, публикуемую в настоящем номере «Вопросов языкознания». Отмечается ряд концептуальных и методологических проблем в подходе Янды и предлагается аргументация в пользу альтернативной точки зрения на обсуждаемые вопросы, в частности, в защиту отвергаемого Яндой понятия «видовой пары», а также приводится обширный оригинальный материал по русским «видовым тройкам». Признавая заслуги Янды и ее рабочей группы, прежде всего, в применении корпусных методов исследования и в разработке аспектологической базы данных, авторы предлагают пути к интеграции результатов исследований, выполненных с различных методологических позиций.

Ключевые слова: Аспектология, видовая пара, префиксация, перфективация, имперфективация, критерий Маслова, первичный имперфектив, вторичный имперфектив, видовая тройка, аспектологическая база данных, когнитивный подход, функциональный подход, корпусные методы

The article offers a critical analysis of the theoretical approach to the Russian aspectual system developed by Laura Janda and her coauthors in a series of publications, including the article published in the present issue of the journal «Voprosy jazykoznanija». It is shown that this approach, based on the premises of cognitive grammar, has a number of conceptual and methodological flaws. Arguments for an alternative view on the discussed problems, in particular, in defense of the concept of «aspectual pair», rejected by Janda, are provided. The paper also contains a large original material on «aspectual triplets». We recognize the important contribution of Laura Janda and her group to the development of the Russian aspectual data base with corpora-based methods. Nevertheless, we propose ways of integrating results across various methodological approaches.

Keywords: Aspectology, aspectual pair, prefixation, perfectivization, imperfectivization, Maslov criterion, simplex imperfective, secondary imperfective, aspectual triplet, aspectual data base, cognitive approach, functional approach, corpora-based approach

Лора А. Янда – автор когнитивной модели русского вида, основанной на гипотезе о существовании аналогии между значениями категории вида и некоторыми базовыми элементами человеческого сенсорного опыта в отношении восприятия окружающего мира, а именно: глаголы несовершенного вида подобны жидким или сыпучим веществам, а глаголы совершенного вида – твердым предметам. В работе [Janda 2004] Лора Янда, развивая идеи, высказанные в статье [Bach 1986], показала, что русские глаголы несовершенного вида в ряде отношений обнаруживают сходство с неисчисляемыми существительными (*mass terms*), а глаголы совершенного вида – с существительными предметной семантики. Концепция разрабатывается Л. Яндой в течение последнего десятилетия в университете Тромсё (Норвегия), в том числе силами руководимого ею исследовательского коллектива, и отражена в ряде публикаций, см. [Janda 2004; 2007; Janda, Nessel 2010; Janda, Lyashevskaya 2011a; 2011b; Янда 2012, публикуемая в настоящем номере] и др.; кроме того, в рамках аспектологического проекта Лоры Янды создан электронный ресурс – база данных *Exploring Emptiness*, доступная на сайте <http://emptyprefixes.uit.no/>, с которой мы и начнем.

В программной статье [Janda 2007] Лора Янда предложила отказаться от «традиционного» понятия видовых пар – на том основании, что глаголы в русском языке группируются не в пары, а в «пучки», или «кластеры», т.е. группы глаголов, связанных отношением префиксации-перфективации и имперфективации. Одновременно было введено понятие «естественного перфектива» («natural perfective»), который определялся как глагол сов. вида, обозначающий «денотативно эквивалентную деятельность» и отличающийся от исходного имперфективного глагола «лишь в аспектуальном отношении» («denotationally equivalent to the Activity, differing from it only in terms of aspect» [Janda 2007: 609]). В статье [Janda, Lyashevskaya 2011a: 149] естественный перфектив определяется как глагол, имеющий то же лексическое значение, что и простой глагол несов. вида, от которого он образован («those that share the same lexical meaning as their imperfective base verbs») – в противоположность «специализированному перфективу», который отличается по значению от исходного имперфективного глагола. При этом никаких критериев установления тождества лексического значения не предлагается. Более того, сам термин «естественный перфектив» указывает на то, что префиксальный видовой коррелят как бы заложен в «природе» исходного имперфективного глагола: его значение является «логическим завершением» обозначаемого им процесса (ср.: «Natural Perfectives which describe the *logical completion* of the corresponding Imperfective Activity» [Janda 2007: 609]), и поэтому никакой процедуры его установления как будто и не требуется. Фактически это означает возврат к понятию видовой пары в самом традиционном, «домасловском» понимании. Действительно, сам принцип установления перфективного коррелята на основании нахождения «логического завершения» процесса, обозначенного имперфективным глаголом (ср. понятие «предела»), является в высшей степени традиционным; впрочем, достаточно давнюю традицию имеет и критика этого подхода (см., в частности, [Зализняк, Шмелев 2000: 45]).

Представление о видовой паре как о паре глаголов, где глагол несов. вида обозначает некий процесс, а глагол сов. вида – его результат, принадлежит «наивной лингвистике» как части языковой картины мира (ср. «наивная физика», «наивная биология» и т.д.) и отражено в названиях соответствующих категорий: совершенный – несовершенный (ср. perfectum – imperfectum). Это представление имеет глубокие корни: видовые пары с предельным соотношением, очевидно, являются когнитивно выделенными и служат образцом для построения вида как понятийной категории. Однако функционирование русского вида как грамматической категории основывается на других принципах.

Мы придерживаемся точки зрения, сформулированной впервые в основополагающей работе Ю.С. Маслова [Маслов 1948/2004; 1981/2004], что видовая пара – это чисто функциональное отношение между глагольными формами, возникающее в силу возможности замены одной на другую в определенных контекстах, а именно в контекстах обязательной имперфективации. Позволим себе привести классическую цитату из работы [Маслов 1981/2004]:

<...> в русском языке отрезок повествовательного текста *Он надел пальто, попрощался и выбежал на улицу*, описывающий с помощью перфектных претеритов «цепь» последовательных разовых событий, при транспозиции в историческое настоящее автоматически даст *Он надевает пальто, прощается и выбегает на улицу*, где те же события обозначены формами имперфективного презенса. <...> Итеративизация – при условии сохранения претерита – также ведет в русском языке к замене перфектива имперфективом: *Каждый раз, когда он надевает пальто, прощается и выбегает на улицу* [Маслов 1981/2004: 91–92].

Только в этих контекстах значение глагола несов. вида оказывается тождественно значению глагола сов. вида. В прочих случаях между глаголами сов. и несов. вида всегда имеется некоторое различие (исключение составляют так называемые тривиальные пары, где глагол несов. вида просто не имеет никакого значения, отличного от значения его перфективного коррелята, ср. пары *прийти* – *приходить*, *достичь* –

достигать). Это различие называется семантическим соотношением в видовой паре. Разными авторами было выделено около десятка более или менее регулярных соотношений такого рода, большинство из которых не являются результативными (ср. *обрадоваться* – *радоваться*, *опоздать* – *опаздывать* и др.), и кроме того существуют видовые пары с индивидуальным семантическим соотношением, как, например, *догадаться* – *догадываться*, *заметить* – *замечать*, *ошибиться* – *ошибаться* и некоторые другие; см. [Зализняк, Шмелев 2000: 56–61]. При этом те же семантические отношения могут существовать между глаголом совершенного и несовершенного вида, не образующими видовую пару: *искать* – *найти* (особый подтип предельного соотношения), *любить* – *полюбить* (перфектное соотношение) и др.

В базе Exploring Emptiness, также как и в статьях Лоры Янды, наряду с «результативными» парами типа *вязать* – *связать*, *крепнуть* – *окрепнуть*, приводятся пары типа *пользоваться* – *воспользоваться*, *думать* – *подумать*, *требовать* – *потребовать* (см., в частности, [Janda 2007: 630, 632, 633, 624]), в которых семантическое соотношение не сводится к «logical completion of the corresponding Imperfective Activity». Это обстоятельство, однако, никак не комментируется автором, из чего можно заключить, что отношение «процесс-результат» рассматривается как прототипическое (ср. выше), а отклонения от него в рамках данной модели не играют существенной роли.

Первоначальная модель аспектуальных кластеров, изложенная в работе [Janda 2007], имплицитно строилась на идее, что у простого имперфектива в норме бывает лишь один «естественный перфектив» (возможность наличия нескольких «естественных» перфективов упоминается лишь в скобках [Ibid.: 624]). Одновременно предполагалось, что важнейшим свойством «естественного» перфектива и критерием его отличия от префектива «специализированного» является невозможность его имперфективации (образования от него вторичного имперфектива путем суффиксации) [Ibid.: 620, 644]. В дальнейших работах Л. Янды оба эти тезиса были пересмотрены.

Наибольшее недоумение у неподготовленного читателя вызывает наличие у одного простого глагола несом. вида нескольких «естественных перфективов» (ср. *грузить* – *погрузить*, *нагрузить*, *загрузить*; *жарить* – *пожарить*, *поджарить*, *зажарить* и т.п.). Казалось бы, одно из двух: приставочный глагол либо равен по значению бесприставочному, либо его специфицирует, т.е. не равен. Если равен, то как может быть, что два (три, четыре) разных глагола равны одному и тому же бесприставочному, а если не равен, то это не «естественный перфектив» (не видовая пара).

Ответ на этот вопрос состоит в том, что, согласно обсуждаемой модели, простой имперфектив, – это «вещество», а приставка – некая «форма», в которую это вещество помещается, образуя «твердый предмет», т.е. глагол совершенного вида; в этом состоит суть процесса префиксации-перфективации. «Сыпучее вещество», т.е. некоторый тип процесса, детерминируемый простым имперфективом, – это «лексическое значение»: *бить*, *вязать*, *жарить*, *мотать*, *резать*, *сыпать*, *пилить*, *рубить* и т.д. – все это разные «вещества». Различные приставки придают ему различную «форму», специфицируя значение исходного глагола («Two or more prefixes can provide alternate ways of focusing the meanings of a base verb» [Janda, Lyashevskaya 2011a: 165]): можно *жарить*, чтобы *зажарить*, а можно *жарить*, чтобы *обжарить* или *поджарить*, и т.д.; поскольку префиксация влечет за собой перфективацию, эта «форма» и есть «аспектуальное значение».

Однако как определить, какие из этих «форм» являются «естественными», а какие – «специализированными», при этом все равно остается непонятным. Почему, например, *распилить* – это специализированный перфектив, а *разгрызть* – естественный (именно такое решение принято в базе Exploring Emptiness и в статье [Янда 2012]): даже если подходить к проблеме с чисто семантической точки зрения, то скорее наоборот: *пилить* можно с единственной целью *распилить*, а для *грызть* даже более вероятная цель – *сгрызть*: так, например, *грызть морковку*, да и *грызть орехи*, возможно, включают идею *разгрызть*, но все равно с целью *сгрызть* (однако глагол *сгрызть* в [Janda 2007: 631] отнесен как раз к специализированным имперфективам). В перенос-

ных употреблениях (ср. *грызть гранит науки, совесть грызет*) также актуализируются не «разделение», а какие-то иные семы. Так или иначе, более оправданным представляется подход, согласно которому оба эти глагола сов. вида с приставкой *раз-* образуют суффиксальные видовые пары (*распилить – распиливать, разгрызть – разгрызать*), а с простым имперфективом (*пилить, грызть*) находятся лишь в словообразовательных отношениях.

С другой стороны, возникают, например, такие вопросы: входит ли в «логическое завершение» процесса, обозначаемого глаголом *ссориться*, идея «разделения»? Если да, то почему видовым коррелятом будет *поссориться*, а не *рассориться*? Именно такое решение принято в базе Exploring Emptiness, хотя общая логика модели должна была бы допускать также и *рассориться*.

База данных Exploring Emptiness содержит 1429 бесприставочных глаголов несов. вида, каждому из которых приводится в соответствие от одного до шести приставочных глаголов сов. вида, так называемых «естественных перфективов»; их число – 1981. Здесь снова возникает вопрос о трактовке случаев, когда один базовый имперфективный глагол образует несколько «естественных перфективов» (= префиксальных видовых коррелятов). Тут, очевидно, имеются разные возможности: исходный имперфектив может обладать широкой (диффузной) семантикой, и в этом случае значение каждого приставочного перфектива возникает в результате «спецификации» его значения, вносимой данной приставкой (ср.: *белье высыхает, мостовая просыхает, цветы засыхают*)¹; он может быть полисемичен (ср.: *замотать <шарф вокруг шеи> и умотать <кого-то поручениями>*), возможна также омонимия (ср.: *задушить и надушить*). Эти три случая не различаются в базе данных Exploring Emptiness, что является одним из ее существенных недостатков.

Тот факт, что нередко глаголы сов. вида с разными приставками оказываются близкими синонимами, дал основание Лоре Янде и ее соавтору Ольге Ляшевской [Janda, Lyashevskaya 2011a] говорить о «вариативности» приставок в русском языке (в качестве образцового представителя этого феномена рассматривается пара *увязнуть – завязнуть*), которая, по мнению авторов, ставит под сомнение «парную модель» вида в русском языке.

Наша критика этого тезиса состоит в следующем. Идея «вариативности» (имеется в виду, очевидно, в выборе глагола, выполняющего определенную грамматическую функцию, а именно – функцию перфективного коррелята), возникает в этом месте в модели Янды – Ляшевской потому, что глагол сов. вида рассматривается как производный от глагола несов. вида (ср. выше). Производным он, конечно, является, но это чисто словообразовательная производность – префиксация: глагол *увязнуть*, как и глагол *завязнуть*, образованы присоединением определенных приставок, и значение полученных приставочных глаголов формируется в соответствии с семантическими механизмами префиксации (которые достаточно хорошо изучены). С аспектологической точки зрения получившийся приставочный глагол является глаголом совершенного вида, и больше ничего. Окажется ли простой имперфектив *вязнуть* коррелятом к *увязнуть*, или же к *завязнуть*, или к обоим, или ни к одному из них – надо проверять при помощи теста

¹ Пример Вейренка. Ср. также: «...la diversité lexicale du verbe simple a pour conséquence naturelle le développement de plusieurs perfectifs couplés, munis chacun d'un préverbe qui présente, avec l'un des sens du verbe simple, la plus grande affinité lexicale possible (voir p. ex. les trois perfectifs de *sochnut*). Le préverbe joue donc ici le rôle d'un spécificateur lexical [Veyrenc 1980: 164] («<...> естественным следствием семантической диверсификации простого имперфектива является появление нескольких парных перфективов, каждый из которых снабжен приставкой, которая обладает наибольшим семантическим соответствием одному из вариантов значений простого глагола (см., например, три перфектива от *сохнуть*). Приставка, таким образом, играет здесь роль лексического спецификатора»). Ср. также понятие «спецификации» в [Пайар 1989; Paillard 1991]. Следует специально отметить существенную концептуальную близость модели Лоры Янды и теории перфективизации Дени Пайара.

Маслова. Если он таковым окажется (т.е. если он пройдет тест Маслова), то мы получим две видовые пары *увязнуть – вязнуть* и *завязнуть – вязнуть*.

Как уже отмечалось, в статье [Janda 2007], где было сформулировано определение «естественных перфективов» в их отношении к другим типам префиксальных глаголов сов. вида, содержалось, кроме того, утверждение, что естественные перфективы не образуют вторичных имперфективов, что должно было служить операциональным критерием их обнаружения (опять же, заметим, в точности в соответствии с «традиционной» концепцией русской аспектологии). В дальнейшем, однако, Л. Янде пришлось отказаться от этого тезиса: так, в статье [Янда 2012] указано, что примерно для половины «естественных перфективов», входящих в базу данных Exploring Emptiness, вторичные имперфективы реально встречаются в Национальном корпусе русского языка.

Отказ от запрета на образование вторичных имперфективов реабилитирует состав базы Exploring Emptiness лишь отчасти – поскольку многие включенные в базу пары глаголов не являются видовыми ни в каком смысле, в частности, не обладают свойством тождества лексического значения, ср.: *брить – выбрить, вертеть – свернуть, гнуть – загнуть, давить – сдавить, крутить – закрутить, точить – выточить, стареть – устареть, считать – подсчитать, чесать – причесать, вести – провести, есть – разесть, гнать – прогнать, гнать – выгнать, колоть – заколоть* и многие другие. Объяснением того, как в базу данных попали эти пары, является, очевидно, слишком прямолинейное применение принципа «логического завершения» или же некритичное использование данных словарей (в которых традиционно используется тот же самый принцип). С другой стороны, в базу не включены некоторые префиксальные пары, которые, согласно критерию Маслова, являются видовыми, например, *хотеться – захотеться*².

Некоторые из включенных в базу глаголов несов. вида вообще не имеют собственного значения и используются исключительно в позиции обязательной имперфективации (и тем самым никак не могут служить исходной точкой семантической деривации), как например, глагол *беременеть*, имеющий единственное значение – событийное, т.е. равное значению глагола сов. вида *забеременеть*, субститутом которого он является и от которого он образован путем **депрефиксации**, т.е. операции отсечения приставки, что является одним из формальных показателей имперфективации, см. [Апресян 1995: 106; Зализняк, Шмелев 2000: 79; Зализняк и др. 2010: 18]. Кроме того, в базу включены в высшей степени маргинальные для современного русского языка глаголы несов. вида, например: *бессилить, булгачить, густиться, должать, ежить, тощать, пушить, супиться, рекомендоваться* (= ‘называть себя при знакомстве’), *румяниться, длиннеть, русеть* (= ‘становиться русским’) и др.; значение многих из них носителем современного языка может быть лишь «восстановлено» из значения перфективного коррелята. Тем самым здесь также направление семантической и аспектуальной деривации обратно направлению морфологической. Включены в базу также некоторые маргинальные глаголы сов. вида (ср.: *отволгнуть, вызябнуть* и т.п.).

Имеются также досадные формальные неточности, например, глагол *уронить* если и является «естественным перфективом», то к несуществующему в современном языке глаголу *ронить*; глагол *ронять*, являющийся синхронно имперфективным коррелятом к *уронить*, исторически сам содержит имперфективирующий суффикс, т.е. является и морфологически, и семантически производным (аналогично устроены *повесить – вешать, проглотить – глотать* и др.; в русском языке имеется довольно много таких видовых пар). Как кажется, обсуждать вопрос о том, содержит ли несуществующий глагол *ронить* тот или иной семантический признак, обеспечивающий ему сочетаемость с той или иной приставкой, было бы довольно странно.

² Ср. следующий пример, в котором глагол *хотеться* употреблен в типичном контексте обязательной имперфективации: *Опять захотелось в Словакию!! Сам смотрю на фотки и каждый раз хочется в Словакию!*

В базу данных вошло и некоторое количество профессиональных терминов (ср.: *ремизить, тралить, трелевать, шпунтовать*). С одной стороны, очевидно, что их множество в русском языке не ограничивается теми, которые вошли в состав словарей [МАС] и [Ожегов, Шведова 1998]. С другой стороны, реальное функционирование таких слов в речи необходимо проверять по корпусным данным, так как интуиция носителя языка – лингвиста относительно функционирования таких глаголов вряд ли может давать надежные результаты.

Причина всех этих недоразумений, очевидно, именно в том, что состав глаголов, включенных в базу, определялся на основании словарей [МАС; Ожегов, Шведова 1998] (а также работы [Cubberly 1982]). И хотя данные этих источников, как указывает Лора Янда в статье [Янда 2012], как будто корректировались в ходе работы с информантами, состав включенных в базу глаголов вызывает множество вопросов. Ценность базы данных «естественных перфективов» как лингвистического ресурса была бы существенно больше, если бы при формировании словника критическое начало было более существенным. Кроме того, для глаголов, образующих более одного «естественного перфектива», следовало бы указывать минимальный контекст, позволяющий идентифицировать значение (ср., например: *гнать* <спирт> – *выгнать*).

Как известно, списка видовых пар русского языка не существует³. Действительно, начать составление такого списка естественно с существующих словарей – и столь же естественно, что полученный результат окажется неудовлетворительным. Прежде всего вызывает сомнение реальность существования закрытого класса «естественных перфективов», включающего ровно 1981 элемент. Впрочем, в последней версии модели, в результате отказа от запрета на образование вторичных имперфективов, отсутствует жесткое противопоставление «естественных» и «специализированных» перфективов; тем самым сама эта цифра и породившая ее идеология являются в некоторой степени устаревшими.

В целом можно сказать, что база данных по префиксальным парам русского языка Exploring Emptiness – это замечательное начинание и очень ценный ресурс, и она должна была бы в дальнейшем совершенствоваться с применением, с одной стороны, более строгих, а с другой, – более гибких критериев. Впрочем, нельзя не признать, что составление «жесткого» списка видовых пар в русском языке – задача не слишком реалистичная, хотя бы потому, что применение критерия Маслова дает градуальный результат (см. ниже).

Возвращаясь к понятию видовой пары, подчеркнем следующее. Мы полагаем, что выходом из порочного круга, возникающего из такого понимания видовой пары, для которого образцом является пара глаголов «простой имперфектив – префиксальный глагол», обладающих интуитивно ощущаемым «тождеством лексического значения», является признание того факта, что **тождество лексического значения у членов видовой пары достигается лишь в контекстах обязательной имперфективации** (настоящее историческое и итерация): те глаголы несов. вида, которые в таких контекстах могут быть употреблены, являются парными; те, которые не могут, оказываются вне видовой корреляции (критерий Маслова). Непарными они оказываются именно потому, что у них отсутствует возможность такого употребления, при котором возникло бы тождество лексического значения с каким-либо глаголом сов. вида (см. более подробно об этом [Mikaelian et al. 2008]). Таковы, например, глаголы *любить, знать, искать, считать* (кого-то дураком), *беречь* (патроны), *находиться* (где-то), *состоять* (из трех частей) и множество других русских глаголов несов. вида. При этом, поскольку видовая коррелятивность устанавливается на основании возможности замены глаголов СВ глаголами НСВ в контекстах обязательной имперфективации, такая замена для одних глаголов проходит совершенно безболезненно (*написал* → *пишет, построил* → *строит, почувствовал* → *чувствует*), для других – с некоторым напряжением, и здесь мнения разных носителей

³ Списки, приводимые в учебных пособиях (например, в [Спагис 1969]), имеют чисто практическую задачу и не претендуют ни на полноту, ни на научную обоснованность.

русского языка о возможности такой замены могут разойтись (например: *закричал* → *кричит*, *поел* → *ест*, *пропел* → *поет* и др., ср. анализ Аспектологической анкеты, проведенной М.Ю. Чертковой, в работе [Горбова 2011]), а для третьих подстановка окажется вовсе невозможной (*узнал* → *знает*, *полюбил* → *любит*). Тем самым здесь имеется шкала: видовые пары бывают образцовые и более или менее удаленные от этого образца (ср. [Зализняк и др. 2010; Горбова 2011]). Заметим, что чисто семантический критерий видовой коррелятивности («Что является результатом процесса *гнуть* – *погнуть* или *согнуть*?») порождает гораздо большую зону неопределенности, и это именно зона принципиальной неопределенности, в отличие от обсуждаемого выше промежуточного положения на шкале допустимости замены, которое можно как-то оценить и измерить.

В то же время для «парной» модели русской аспектологии не составляет никакой проблемы тот факт, что один и тот же глагол несов. вида может выступать в функции имперфективного коррелята к нескольким разным глаголам сов. вида, поскольку направление функциональной зависимости устанавливается от СВ к НСВ. Вряд ли кому-либо придет в голову усомниться в наличии у существительного *трава* формы дательного падежа по той причине, что она же является формой предложного. Так же точно у глаголов *облысеть* и *полысеть* имперфективным коррелятом будет один и тот же глагол *лысеть*. Эта возможность обеспечивается за счет того обстоятельства, что простой имперфектив *лысеть* при необходимости может брать на себя как значение, равное *полысеть* (т.е. ‘лишиться части волос’), так и значение, равное *облысеть* (т.е. ‘лишиться всех волос’), см. [Зализняк, Шмелев 2000: 58]. Как показано в [Зализняк, Микаэлян 2011], возможности русских простых имперфективов в этом отношении довольно широки, особенно в сфере жаргонной и профессиональной речи (откуда, впрочем, слова легко переходят в общелитературный язык), ср. употребления *варить трубы* вместо *сваривать*, *мыть деньги* вместо *отмывать* и т.д., где бесприставочный глагол несов. вида берет на себя значение вполне «специализированного» перфектива.

В статье [Janda, Lyashevskaya 2011b] авторы как будто возвращаются к признанию понятия видовой пары и даже упоминают критерий Маслова [Ibid.: 203]. В этой статье демонстрируется, что с точки зрения распределения частотности употребления в ряде грамматических форм (настоящее-будущее время, прошедшее время, императив, инфинитив) глаголы, входящие в префиксальные и суффиксальные видовые пары ведут себя одинаково, т.е. «грамматический профиль» глагола (как совершенного, так и несовершенного вида) не зависит от того, принадлежит ли он суффиксальной или префиксальной видовой паре. Этот вывод, полученный применением статистических методов к корпусному материалу (было обследовано 1,6 миллиона словоупотреблений для 264 префиксальных видовых пар и 4,3 миллиона для 1311 суффиксальных пар), представляет несомненный интерес и большую научную ценность. Однако, судя по тому, как производился эксперимент, полученные данные свидетельствуют скорее вообще о независимости рассматриваемых грамматических свойств русского глагола от его морфологической структуры, чем о каких-либо свойствах именно видовых пар.

В названной работе вызывает также некоторое недоумение трактовка места непарных глаголов несов. вида в русской аспектуальной системе, о которых говорится, что они представляют собой «изоляты» [Ibid.: 204]. Как уже говорилось выше, непарность глаголов несов. вида обусловлена семантически, и глаголы *imperfectiva tantum* составляют весьма важную категорию русских глаголов, включающую несколько семантических классов, среди которых обычно выделяют устойчивые состояния, свойства и соотношения и др.; ср. [Падучева 1996: 122–151; Зализняк, Шмелев 2000: 64–67]. Приводимый в статье глагол *здоровствовать* – один из сотен русских глаголов *imperfectiva tantum*.

«СЕМАНТИЧЕСКИ ПУСТЫЕ» ПРИСТАВКИ

В работах [Janda, Lyashevskaya 2011a; Янда 2012] Лора Янда полемизирует с якобы доминирующим в русистике представлением о том, что в префиксальных видовых парах приставки являются «семантически пустыми». Подход, согласно которому пристав-

ка в составе префиксального видового коррелята признается «семантически пустой», обозначен как «empty prefix hypothesis». Согласно альтернативному подходу, развиваемому авторами и обозначенному ими как «overlap hypothesis», семантическая пустота приставки – это иллюзия, возникающая в результате наложения значения приставки и глагольной основы. Дальний прицел такой постановки вопроса состоит в развенчании «парной теории вида», однако недоумение возникает уже на уровне исходного предположения. Действительно, в «традиционной» русистике (в частности, в «виноградовской» грамматике) принят тезис о том, что в префиксальных видовых парах приставка выступает в роли грамматического показателя сов. вида. Однако представление о том, что семантическая пустота приставки в префиксальных видовых парах возникает в результате дублирования приставкой некоторого смыслового компонента, уже содержащегося в глаголе (так называемый эффект Вея – Схоневельда), в современной русистике достаточно широко распространено, ср.:

Механизм возникновения эффекта семантически «пустой» приставки состоит в следующем. При определенной комбинации значения приставки со значением исходного глагола может оказаться, что значение приставки дублирует некоторый семантический компонент, уже присутствующий в глаголе; тем самым семантический вклад приставки сводится к привносимому ею значению сов. вида (так как, в соответствии с сформулированным выше законом, глагол, образованный префиксацией, всегда является глаголом сов. вида). Так, в глаголе *сверлить* есть идея 'насквозь', которая дублируется приставкой *про-*, в *писать* – идея 'на поверхности', дублируемая приставкой *на-*, в *рыть* <яму> – идея 'наружу', дублируемая приставкой *вы-*, и т.д. Естественно, что именно в таких случаях глагол сов. вида, образованный присоединением приставки к глаголу несов. вида, часто функционирует как его перфективный коррелят [...] (ср. *сверлить* – *просверлить*, *писать* – *написать*, *рыть* – *вырыть*) [Зализняк, Шмелев 2000: 81–82].

Достаточно сказать, что в современной русской аспектологии, начиная с Ю.С. Маслова, выражение «семантически пустые» приставки обычно ставится в кавычки или сопровождается эпитетом «так называемые»; см. также критику этого термина в [Guiraud-Weber 1988/2004: 25; Кронгауз 1998: 80–82].

Особенно ясно видна работа механизма взаимодействия значения приставки и глагола при маркировании средствами префиксации употребления в значении сов. вида двувидовых глаголов: например, для *резервировать* выбирается приставка *за-* со значением 'фиксации', для *реагировать* – приставка *от-* со значением 'ответного действия', для *иллюстрировать* – приставка *про-* 'насквозь' и т.д. Тот факт, что приставка как таковая в составе префиксальных видовых коррелятов имеет совершенно определенное собственное значение, и именно оно определяет выбор данной приставки в качестве «чистовидовой» для данного глагола, является если не общепризнанным, то по крайней мере широко распространенным.

Другими словами, подход к семантике глагольных приставок, входящих в состав префиксальных видовых коррелятов, развиваемый в обсуждаемых работах Л. Янды и обозначенный ею как «overlap hypothesis», имеет солидную и достаточно давнюю традицию. Более того, мысль, что выбор приставки, фигурирующей в составе перфективного члена видовой пары, не случаен, и каждой приставке соответствует некоторый набор семантических классов глаголов, с которыми она сочетается, *de facto* признается даже в рамках «традиционного» подхода, ср., например [Тихонов 1998].

Другое дело, что данная проблема на самом деле относится не к аспектологии, а к словообразовательной семантике. Отнесение проблемы семантического вклада приставки в значение бесприставочного глагола к области аспектологии основано на представлении, что в видовой паре перфективный коррелят возникает путем перфективации, обеспечиваемой префиксацией, и что этот процесс может быть смоделирован на основании семантики исходного глагола несов. вида (ср. выше о «логическом завершении» процесса, обозначенного имперфективным глаголом). Это довольно распространенное мнение, характеризующее наиболее старый, «традиционный» подход к понятию

видовой пары, и основано оно на недоразумении, причина которого, как представляется, кроется в следующем.

Как уже было сказано выше, семантическое тождество в видовой паре не характеризует глаголы как лексические единицы, взятые во всех своих употреблениях. Это тождество возникает лишь за счет того, что бесприставочный глагол НСВ, входящий в видовую пару, может при определенных условиях (а именно, в контекстах Маслова) обозначать то же событие, что и глагол СВ: он *строит* (= *построил*) дачу и *селится* (= *поселился*) в ней; кошка *видит* (= *увидела*) мышь и *хватает* (= *схватила*) ее. Как уже говорилось выше, семантическое тождество глаголов СВ и НСВ в этих контекстах обеспечивается тем, что бесприставочный глагол НСВ как бы «берет на себя» значение, выражаемое его приставочным перфективным коррелятом: это оказывается возможно в силу возникающего между членами видовой пары отношения функционального тождества, и именно это обстоятельство – свидетельство существования в русском языке видовой пары как грамматического явления. Иными словами, то значение имперфективного члена видовой пары (безразлично – суффиксальной или префиксальной), которое обеспечивает ему вхождение в видовую пару, является **семантически производным от значения перфективного члена**.

Заметим, кстати, что Л. Янда в некоторых случаях фактически опирается именно на этот принцип семантической производности глаголов НСВ от глаголов СВ, ср. следующее рассуждение (о том, почему «естественным перфективом» к глаголу *вязать* является глагол *связать*):

Существует много типов событий, включающих связывание, но наиболее характерным из них является связывание чего-либо вместе (так что оно становится полностью связанным). Это мотивирует выбор приставки *с-*, имеющей значение TOGETHER, в естественном перфективе *связать* [Янда 2012: 8].

Показательно, что при упоминании действия, описываемого имперфективным членом видовой пары, оно обозначается как *связывание*, а не как *вязание* – т.е. существительным, образованным от вторичного, а не от простого имперфектива. Тривиальный факт, что результатом действия *связывать* является *связать*; менее тривиальный – что иногда вместо глагола *связывать* в том же значении может быть употреблен глагол *вязать*, и только в силу этого мы можем судить о том, что бесприставочный глагол *вязать* приобретает идею «TOGETHER» и, соответственно, вступает в видовую корреляцию с *связать*. Сам по себе глагол *вязать* обладает широкой семантикой, обеспечивающей ему сочетаемость с разными приставками (*завязать*, *привязать*, *подвязать* и др.).

За пределами упомянутых контекстов обязательной имперфективации, т.е. в тех случаях, когда глагол НСВ употребляется не в событийном, а в своем собственном, независимом от перфективного члена, значении (процесса или состояния: *строит*, *видит*, *вяжет* и т.п.), семантическое тождество членов видовой пары отсутствует: дублирование семы вовсе не означает, что добавление приставки не меняет значения исходного глагола (не говоря о том, что это дублирование происходит не всегда и не обязательно). Поэтому исследование характера семантического вклада приставки для «естественных перфективов» во многих случаях оказывается столь же уместно (и, главное, реально проводится в работах, посвященных семантике русских приставок), как и в отношении «специализированных перфективов». При изучении семантики приставок (а это и значит, в первую очередь, семантического соотношения значения бесприставочного глагола несоев. вида и образованного от него с помощью приставки глагола соев. вида) приставочные глаголы обычно вообще не разделяют на глаголы, входящие в префиксальные видовые пары, и прочие – т.е. непарные или входящие в суффиксальные пары (другими словами, на «естественные» и «специализированные» перфективы), поскольку с точки зрения словообразовательной семантики это различие нерелевантно: семантические механизмы взаимодействия значения приставки и глагольной основы здесь одни и те же, и именно с этих позиций они описываются в литературе (см., например, [Зализняк 1995; 2001; Кронгауз, Пайар (ред.) 1997; Кронгауз 1998; Добрушина и др. 2001; Кронгауз (ред.) 2001] и др.). Нет этого деления и в книге [Janda 1986].

В статье [Янда 2012] выдвигается идея, что русские приставки, образующие «естественные перфективы», могут рассматриваться как классификаторы тех бесприставочных глаголов, к которым они присоединяются, – подобно числовым классификаторам (счетным словам) в тех языках, где они являются обязательными при обозначении конкретных предметов.

Таким образом, продолжается аналогия с материально-сенсорным миром: как между типом вещества и формой, в которую оно может быть помещено, имеется некая корреляция, так и определенные счетные слова используются как единицы измерения определенных «веществ» и одновременно превращают их в предметы определенной формы, ср. (пример из работы [Янда 2012: 7]: «(один длинный тонкий) воск» = *свеча*). Так же, согласно идее Л. Янды, ведут себя и приставки: они работают как «аспектуальные классификаторы», т.е. придают определенную форму исходному диффузному процессу (ср. *резать* – *порезать*, *нарезать*).

Мысль о том, что русские приставки являются глагольными классификаторами (в том же смысле, что счетные слова – именными), представляет собой интересный новый способ взглянуть на старую проблему, однако она все же должна рассматриваться скорее как метафора, чем как реальное грамматическое нововведение. Действительно, хотя в названной работе статистически подтверждено, что приставки распределены между глаголами с разной общей семантикой не случайным образом (например, приставка *про-* заметно превалирует в сочетании с глаголами звука и речи, а приставка *по-* чаще всего присоединяется к глаголам со значением изменения состояния), но непересекающихся классов все же установить не удастся (по крайней мере, в статье [Янда 2012] они не предъявлены).

Скорее следовало бы говорить о том, что приставки не классифицируют, а специфицируют (по Вейренку) значение исходного глагола несов. вида. При этом здесь имеется непрерывная шкала от случаев типа *пожарить* – *зажарить* – *поджарить*, когда все конкретные значения совместимы с общим значением исходного глагола и говорить о разных значениях этого глагола нет смысла, – до случаев типа *надушить* – *задушить*, когда исходный глагол омонимичен (см. выше)⁴.

ВИДОВЫЕ ТРОЙКИ

Один из выдвигаемых Л. Яндой аргументов против «парной модели» русского вида состоит в том, что в нее не укладывается факт существования видовых троек [Янда 2012].

Действительно, статус «видовых троек», т.е. троек глаголов типа *вить* – *свить* – *свивать* <гнездо> (в которых имеется простой имперфектив, образованный от него при помощи «семантически пустой» приставки префиксальный глагол сов. вида и вторичный имперфектив, весьма близкий по значению к простому), представляет собой один из спорных вопросов русской аспектологии. Имеется точка зрения, что видовые тройки – исключительное и выходящее за рамки системы явление; противоположный тезис (который в упомянутой выше работе высказывает и Л. Янда) состоит в том, что видовые тройки – явление регулярное и системное.

Мы полностью разделяем последнюю точку зрения, но, в отличие от Л. Янды и ряда других исследователей, полагаем, что существование видовых троек ни в коей

⁴ Ср. также следующую мысль из работы [Маслов 1977/2004: 600]: «В связи с возможностью использования нескольких разных приставок для “чистой перфективации” одного и того же исходного имперфектива (*рвать* – *порвать бумагу*, *рвать* – *сорвать цветок*, *рвать* – *вырвать зуб* и т.д.) интересны некоторые соображения Ирены Грицкат. Она справедливо подчеркивает, что в этих случаях “перфективируемый глагол необходимо понимать как полисемантическую единицу, с потенциальными, но часто не высказанными лексическими оттенками” и что приставка присоединяется к такому глаголу “как катализатор (не классификатор), создавая полиморфию”».

мере не опровергает теорию видовой парности. В нашей статье [Зализняк, Микаэлян 2010: 130–131] было выдвинуто два тезиса, которые мы считаем уместным здесь воспроизвести:

Во-первых, видовые тройки представляют собой не периферийное, а в высшей степени регулярное явление, определяющее облик русской аспектуальной системы, поскольку они возникают в результате действия того же механизма, который обеспечивает наличие имперфективного коррелята почти для любого глагола сов. вида – ср. формы типа *рухать*, *нагрядывать*, *уцелевать* и т.п., широко употребительные не только в разговорной речи (о чем можно судить по данным Интернета), но также и в художественной литературе. Действительно, наличие имперфективного коррелята у любого глагола сов. вида – это чисто системное требование, и для его реализации имеется универсальное морфологическое средство: суффикс *-ыва-/-ива-*: так возникают глаголы типа *зablуживаться*, *встрепенывался*; они появляются, уходят и снова появляются, вспомним гоголевские формы типа *помарщивался* или *постораниваются*. [...] Если он применяется к глаголу сов. вида, не имеющему приставочного имперфективного коррелята, то возникает суффиксальная видовая пара; она может быть словарной (ср. *опоздать* → *опаздывать*) или же окказиональной (ср. *уцелеть* → *уцелевать*, *нагрянуть* → *нагрядывать*). Если же глагол сов. вида уже имеет приставочный имперфективный коррелят, тот же механизм порождает тройку: например, *мазать* → *намазывать*, при уже имеющемся *мазать*. При этом граница между этими двумя случаями является не жесткой, тем самым видовые тройки и видовые пары образуют некую единую систему.

Во-вторых [...] существование видовых троек никак не компрометирует понятие видовой корреляции как бинарного отношения, возникающего между глаголом совершенного и несовершенного вида в контекстах обязательной имперфективации. Однако бинарность видовой корреляции как отношения субституции затемняется тем, что здесь в игру вступают еще по крайней мере два фактора:

1) **префиксальное словообразование**, в результате которого возникает новый глагол; его собственно семантическое расхождение с исходным глаголом может быть большим или меньшим, но он всегда сов. вида (что порождает сходство и, как следствие, смешение с собственно аспектуальной корреляцией);

2) **лексическая синонимия**, связывающая между собой как глаголы сов. вида с разной приставкой (ср.: *примерить* и *померить*, *поменять* и *обменять*), так и глаголы несов. вида, один из которых является первичным, а другой – вторичным имперфективом, например: *капать/закапывать* <капли в нос>, *множиться/умножаться*, *гибнуть/погибать*, *клеить/склеивать* <коробочку>. Вообще в процессе порождения высказывания говорящий довольно часто сталкивается с проблемой выбора из ряда синонимов; эта проблема может возникать, в том числе, при выборе глагола несов. вида в контекстах обязательной имперфективации. Соответственно, говорящий оказывается вынужден выбирать между *мерить* и *примерять*, *мазать* и *намазывать* и т.п. – но это уже проблема не аспектологии, а лексической семантики.

Чаще всего простой имперфектив имеет более широкое значение, а вторичный – более специализированное, в точности соответствующее значению приставочного глагола СВ. Если говорящий хочет выразить свою мысль более кратко и емко, он выбирает простой имперфектив, а если он хочет ее сформулировать более точно, в частности, явно обозначить «достижение результата», то он выберет вторичный имперфектив (ср. [Veysenc 1980; Маслов 1981/2004])⁵. Здесь имеются также и другие параметры варьирования, в частности, простой имперфектив тяготеет к разговорно-просторечному стилю, вторичный – к книжно-канцелярскому (ср. [Апресян 1995: 109–112])⁶.

⁵ Ср.: «Так, фраза *В 1910/1911 учебном году де Соссюр в третий раз прочитал свой курс в Женевском университете* даст в историческом настоящем *читает*. Однако при наличии подчеркнутого указания на доведение действия до конца естественной заменой перфектива *прочитать* окажется вторичный имперфектив. Глагольные формы фразы *Несмотря на болезнь, NN прочитал весь курс до конца и только тогда лег в больницу* соответственно превратятся в *прочитывает* и *ложится*» [Маслов 1981/2004: 94].

⁶ Вопрос о семантическом и функциональном соотношении простых и вторичных имперфективов, входящих в видовые тройки, и о том, за счет чего значение первичного имперфектива может расширяться, так что он оказывается способным конкурировать с вторичным имперфективом, в том числе и не только в контекстах обязательной имперфективации, был нами подробно рассмотрен в статье [Зализняк, Микаэлян 2011].

Тот факт, что видовые тройки представляют собой не маргинальное, а регулярное явление и интегральную часть русской аспектуальной системы, можно продемонстрировать при помощи следующей таблицы (которая приводилась, в несколько различных вариантах, в [Зализняк, Микаэлян 2007; 2010; Mikaelian, Zalizniak 2009]):

Таблица 1

	IMPF1	PF	IMPF2
образцовые суффиксальные пары	– – – [писать]	исключить открыть переписать записать <на пленку>	исключать открывать переписывать записывать
суффиксальные пары с потенциальным НСВ1	[лезть] [рвать]	залезть <на дерево> вырвать <зуб>	залезать вырывать
образцовые тройки	капать мазать есть читать гибнуть делить хватать комкать	закапать <капли в нос> намазать съесть прочитать погибнуть разделить схватить скомкать	закапывать намазывать съедать прочитывать погибать разделять схватывать скомкивать
префиксальные пары с потенциальным НСВ2	ломать рисовать	слопать <ветку> нарисовать	[сламывать] [?нарисовывать]
образцовые префиксальные пары	строить делать	построить сделать	[??постраивать] [???сделывать]

В публикациях [Mikaelian, Zalizniak 2009; Зализняк, Микаэлян 2010] отражены результаты анализа всех видовых троек, которые могут быть установлены на основании критического отбора (с применением критерия Маслова) данных словаря [Ожегов, Шведова 1998]. В ходе презентации работы [Зализняк, Микаэлян 2010] демонстрировался «Фрагмент словаря видовых троек», содержащий 34 единицы, для каждой из которых возможность употребления обоих глаголов несов. вида в событийном значении подтверждалась примерами из НКРЯ и русского Интернета. Приведем здесь эти тройки (материал публикуется впервые)⁷:

- *взгромоздиться – громоздиться/взгромоздиться*:

Подволакивает табуретку и *громоздится* на нее, тянется к запрещенной обычно полке.

...решительно *взгромозждается* на кучку сухого корма и, оттопырив хвост, делает свои дела⁸.

- *вскипеть – кипеть/вскипать*:

Кипятим воду, *как только кипит*, выключаем газ и бросаем замороженные креветочки.

Как только вскипает варю 5–7 мин.

⁷ Примеры, приводимые без указания источника, найдены при помощи поисковой системы Яндекс; пометы со ссылками взяты из [НКРЯ]. Иллюстрируемый глагол выделен жирным курсивом, прямым жирным шрифтом – релевантные элементы контекста, указывающие на реализацию событийного значения (список таких контекстов, обеспечивающих возможность практического применения критерия Маслова, был нами разработан специально для целей экспериментального корпусного исследования видовых пар в русском языке).

⁸ Здесь и далее в примерах сохраняется пунктуация оригинала. Орфографические ошибки и явные описки исправляются.

Но Россия постоянно поднимается, **как только вскипает** народный гнев и отчаяние.

• **вспотеть – потеть/вспотевать:**

Тот видит Миронова и... **потеет** от счастья и волнения [А. Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001)].

Нос ее **вспотевает**, отчего мука на нем сразу превращается в тонкий слой клеочного теста [А. Эппель. На траве двора (1992)].

• **вылечить – лечить/вылечивать:**

Panda Antivirus у меня уже 3 дня, он имеет неплохой интерфейс, при обнаружении **сразу лечит** вирусы.

Народная целительница, мануальный терапевт Валентина Васильевна **лечит** за один сеанс.

Посещение болгарского народного целителя г-на Ивана Милева, который **вылечивает** за 1 сеанс все формы депрессии.

• **выпить – пить/выпивать:**

...я **пью** стакан молока с хлопьями и отрубями и съедаю 400 г нежирного био-йогурта в день.

Пью стакан молока, ложусь в холодную постель и снова пытаюсь уснуть.

...каждое утро она **выпивает** стакан молока и съедает бутерброд с маслом и сыром.

• **вырыть <яму> – рыть/вырывать:**

Самка **роет** яму и откладывает яйца.

Быстро **вырывает** яму и погружается в нее так, что сверху остается только часть туловища, две лапы и голова.

• **выучить – учить/выучивать:**

Тогда ребенок, владея грамотным литературным родным языком, **быстро учит** и немецкий, причем быстро достигает очень хорошего уровня.

...человек с феноменальной памятью, который **выучивал** тексты реплик по специальным переводам [О. Егорова. Королева Чардаша // «Спецназ России» (2003)].

• **загустеть – густеть/загустевать:**

Если льняное масло долго варить, оно **густеет** и превращается в олифу [Л. Шустова. Путешествие по стране Агрос (2003)].

Кроме того, масло **загустевает**, что делает работу насоса более шумной [Новое оборудование – новые требования // «Горная промышленность» (2004)].

• **задушить – душить/задушивать:**

Мышей ловит, но не играет с ними, а **сразу душит** и тащит в логово.

Если он оглянется на зов, то нечистая сила свертывает голову, или **задушивает**, или одурачивает на всю жизнь.

• **заиндеветь – индеветь/заиндевевать:**

На морозе очки в мгновение **индевели**, а снимешь – сразу слепой [В. Песков. Зимовка (1983–1984)].

Палатка к утру **заиндевевала** изнутри.

• **зачерстветь – черстветь/зачерствевать:**

А то бывает что хлеб **черствеет** за 3–4 часа.

Практически все предприятия республики выпускают продукцию крайне низкого качества: если пекут хлеб, то **через сутки** он **зачерствевает**.

• **написать – писать/написывать:**

Детство, детство, еще весна, а моя малая уже деду морозу **письма написывает** и в почтовый ящик бежит кидает.

Сначала я **написываю** что-то наобум, а потом определяю жанр.

- *нарисовать* – *рисовать/нарисовывать*:

...сидишь себе круги *нарисовываешь*.

Или мне нравится, а окружающие шарахаются (это когда я себе черные тени *нарисовываю*).

...чтобы пролить больше света на это место, он *нарисовывает* картину яростных гонений, которым подвергались первенствующие христиане.

Вот каждую сцену себе в уме *нарисовываю*... как фильм.

- *научиться* – *учиться/научаться (научиваться)*⁹:

Свой первый стульчик современный европеец получает, **как только учится** сидеть.

Очень быстро он *научается* устанавливать зрительный контакт со взрослым, открывает зрительно свои руки.

Потом *научивается* вместе с формулировкой проблемы вдруг получать пару левых решений.

- *начертить* – *чертить/начерчивать*:

Учитель *чертит* на доске треугольник и спрашивает Вовочку: – Какой это угол – острый, прямой или тупой?

Чжу Ю Кэ обмакивает кисть в киноварь, *начерчивает* на земле круг, в середине круга *начерчивает* крест.

- *облысеть* – *лысеть/облысевать*:

Крыска **периодически лысеет** и обрастает заново.

У нас есть старенький крыс (2,5 года), везти его мы боимся (вдруг умрет, не дай Бог) – он чешется до крови, *облысевает* на месте сильных расчесов.

- *обнаглеть* – *наглеть/обнаглевать*:

...он *наглеет* и начинает требовать все большие и большие жертвы.

Ночью нас достает шустрая мышка, которая в конце концов *обнаглевает* настолько, что начинает бегать по нам, лежащим, завернутыми в спальники.

- *отлить* <колокол> – *лить/отливать*:

В 1557 году он *льет колокол* на Соловки совместно с Кузьмой Михайловым.

В этом году он вместе с литейщиком Гаспаром Нади *отливает колокол* и поднимает его на городскую башню Аринго.

- *отомстить* – *мстить/отмщать*:

Не мстит только трус, а *мстит сразу* только идиот.

Верблюд, если давно когда-нибудь ударен, долгое время таив гнев, как скоро улучшает удобный случай, *отмщает* за обиду.

- *отравиться* – *травиться/отравляться*:

Но в книге логичнее получается – после этого прозрения он *травится* рыбой и помирает.

Дедушка, попробуйте рыбки! – предлагают они старику несвежую рыбу с сомнительным запахом. Если дедушка не *отравляется* рыбой, то ее ест вся семья.

Что *она травится* мышьяком, когда в доме заканчиваются деньги, и ей в голову не приходит пойти работать (о г-же Бовари).

До конца беспощадный художник, Флобер не дал своей героине умереть от душевных разочарований и разбитого любовью сердца. Она *отравляется* мышьяком, потому что запуталась в долгах.

- *перезимовать* – *зимовать/перезимовывать*:

Свой день рождения он встретит в Москве, где **всегда зимует**, в Иркутск поедет на следующей неделе...

⁹ Вариативность типа *научаться/научиваться* чисто морфологическая, к обсуждаемой проблеме отношения не имеющая.

Климат России ремень переносит вполне хорошо и в большинстве случаев *перезимовывает* без покрывки.

- *переночевать* – *ночевать/переночевывать*:

Ночует и утром стартует в Москву.

Для меня был бы идеальный вариант – едешь-едешь себе из Москвы и, не съезжая далеко с трассы, *переночевываешь* в какой-нибудь, а потом встаешь и едешь себе дальше.

- *переспать (с кем-то)* – *спать/пересыпать*:

Тут же все просто: женщина выбирает мальчика по своему вкусу, *спит* с ним и уезжает.

Тогда герой мутит с женой психа и *пересыпает* с ней, чтобы упротить ее вернуть психа обратно.

- *подготовить* – *готовить/подготавливать*:

В первом случае кафедра выдвигает наиболее актуальную или значимую для нее узкую проблему, *готовит* доклад и приглашает заинтересованных в этой проблематике преподавателей.

Если тема обучения является актуальной и нужной для развития большого количества сотрудников, то обучившийся *подготавливает* доклад в рамках программы, по которой он обучался.

- *проворонить* – *воронить/проворонивать*:

После этого перестал покупать ей новые – отдал ей свой, больше не теряет и не *воронит*.

Или звенят так, что несчастный, который понадеялся на хитрый механизм, ничего не слышит и *проворонивает* самое важное дело в своей жизни.

Хотя покупать касперского как-то не хочется, потому что уже купил Norton'a, довольно неплохой антивирус, но иногда *проворонивает*...

- *разбудить* – *будить/разбуживать*:

...помощник *будит* его и записывает на магнитофон рассказ о запомнившихся снах.

Утренний коньяк, вливаемый пациенту непосредственно в рот, немедленно *разбуживает* больного и мгновенно настраивает его на благодушный и деятельный лад.

- *растаять* – *таять/растаять*:

За окном наблюдаю картину: мелкими крупинками падает снег на сырую землю и *сразу тает*.

Затем мокрый снег *полностью растаивает* и в виде лужицы остается на поверхности льда.

- *сварить* ('соединить сваркой') – *варить/сваривать*:

...приходит газовщик, крутит что-то в плите, заявляет, что нужен сварщик – переварить трубу. Рекомендует своего знакомого. Приходит сварщик, *варит* трубу, теперь нужен штукатур – чтоб убрал следы на потолке.

Из таких заготовок фирма «Данхил Боутс», занимающаяся сборкой и сбытом яхт, *сваривает* корпуса, не требующие окраски [обобщенный. Заметки (Вокруг земного шара) // «Техника – молодежи» (1977)].

- *свариться* – *вариться/свариваться*:

...картошка *варится* за 20 минут.

Как картошка *сваривается*, трем ее на крупной терке и выкладываем на тарелочке в форме ежика.

- *свить (гнездо, веревку)* – *вить/свивать*:

Дрейфуя так беспомощной сосновой чуркой, Вьянямейнен высовывает колено из воды, на котором пролетавшая в поисках места для гнезда утка или другая птица *вьет* гнездо и сносит в него яйца.

...в развилке старой липы у входа в усадьбу пристроил тележное колесо, на котором каждый год *свивает* гнездо красноклювый аист... [Ю. Нагибин. По пути в бессмертие].

- *сломать* ('ломая, отделить') – *ломать/сламывать*:

Но санки застревают в сугробе и не могут дальше ехать, тогда Матеуш принимает решение и идет к ближайшему кусту, *ломает* ветку и создает из нее кол.

Посевы кукурузы посещаются кабанами, косулями, оленями, зайцами и барсуками с момента массового созревания. Кабан *сламывает* полнозрелые початки, часть их съедает, а остальное бросает.

• *схватить – хватать/схватывать*:

Мчусь к ней, *схватываю* ее за руки и... неожиданно выпаливаю: [А. Хейдок. Храм снов (1924–1934)].

Я *хватаю* ее за руку и уже громче говорю: «Какой это был день?».

• *съесть – есть/съедать*:

...я не завтракаю дома, только кофе пью и *ем* бутерброд с сыром, приехав на работу, я себе покупаю молока.

Умывшись и почистив зубы, *съедаю* бутерброд и допиваю чай.

• *ужалить – жалить/ужаливать*:

Кошка загрызает змею, но та перед смертью изловчается и *жалит* животное [А. Балдин. Московские праздные дни (1997)].

Вдруг из корзинки выползает змея и *ужаливает* баядерку в сердце.

Всего в словаре [Ожегов, Шведова 1998] нами было обнаружено около 160 видовых троек разной степени употребительности.

Возможность пользоваться корпусными данными открывает новые перспективы исследования русской аспектуальной системы. Приведенная выше таблица, в которую вошли лишь некоторые иллюстрирующие содержание каждой категории примеры, может быть достроена до базы данных, которая будет включать, помимо самих форм и примеров их употребления, указание на относительную частоту встречаемости простого и вторичного имперфектива, на вероятность реализации событийного значения у того и другого имперфектива, наличие у них прочих аспектуальных значений, функционально-стилистические пометы и другие существенные для полноты картины обстоятельства.

Аспектологическая концепция Лоры Янды (независимо от того, используется ли в той или иной версии модели понятие «видовой пары») трактует русский вид как чисто понятийную категорию, не принимая во внимание функциональный аспект, а именно он превращает вид в русском языке в категорию грамматическую. Характерно, что суффиксальные видовые пары, центральные для русского вида как грамматической категории, в обсуждаемой модели играют, наоборот, периферийную роль. Этот подход представляет собой альтернативу к более распространенному в современной русской аспектологии функциональному подходу. Авторы обосновывают его методологическими установками когнитивной лингвистики; но функциональный подход на самом деле тоже вполне «когнитивен» – в том смысле, что пытается моделировать языковое поведение носителя языка¹⁰. С другой стороны, понятийный подход к виду сближается с принципами исследования русского вида в русле грамматической типологии; ср. [Плунгян 2011: 377–422].

В рамках русской грамматической традиции концепция Лоры Янды принадлежит в большей степени к области глагольной словообразовательной семантики, чем собственно к аспектологии, и оцениваться должна именно в этом своем качестве. Безусловная

¹⁰ Одним из центральных тезисов когнитивной лингвистики является отказ от жесткого противопоставления грамматики и семантики. Однако грамматические и лексические значения – это значения разной природы. Главное свойство грамматического значения – обязательность и тем самым автоматизм его выражения. Вследствие того, что грамматическое значение (например, значение вида) выражается автоматически, носитель языка не имеет к нему прямого доступа. В этом принципиальное отличие грамматической и лексической семантики. От различия этих двух типов значения едва ли стоит отказываться.

заслуга Лоры Янды и ее рабочей группы состоит в том, что их исследования проводятся на обширном корпусном материале с применением статистических методов, что позволило верифицировать и уточнить некоторые выводы лингвистов докомпьютерной эры, вынужденным образом строивших гипотезы на основании весьма ограниченного числа примеров.

В своих работах Лора Янда часто противопоставляет развиваемый ею когнитивный подход и «традиционную» лингвистику, куда попадают все исследователи, не работающие в русле когнитивной школы в узком смысле. Между тем, как мы попытались это показать, некоторые подходы, применяемые в когнитивной лингвистике, по существу весьма близки к самым «традиционным». Так что наиболее продуктивной является установка на максимальную интеграцию результатов исследований, выполненных с различных методологических позиций и описанных средствами разных метаязыков. Именно такую цель преследует данная статья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Трактровка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Горбова 2011 – Е.В. *Горбова*. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // ВЯ. 2011. № 4.
- Добрушина и др. 2001 – Е.Р. *Добрушина*, Е.А. *Меллина*, Д. *Пайар* (ред.). Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.
- Зализняк 1995 – Анна А. *Зализняк*. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке // *Russian linguistics*. 1995. V. 19. № 2.
- Зализняк 2001 – Анна А. *Зализняк*. Семантическая деривация в значении приставки у- // Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1.
- Зализняк, Микаэлян 2007 – Анна А. *Зализняк*, И.Л. *Микаэлян*. Видовые тройки в русской аспектуальной системе // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 г.) Труды и материалы. М., 2007.
- Зализняк, Микаэлян 2010 – Анна А. *Зализняк*, И.Л. *Микаэлян*. О месте видовых троек в русской аспектуальной системе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конф. «Диалог'2010». Бекасово, 26–30 мая 2010. М., 2010.
- Зализняк, Микаэлян 2011 – Анна А. *Зализняк*, И.Л. *Микаэлян*. Рвать зубы и мыть деньги: об одном типе употребления бесприставочных имперфективов в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Междунар. конф. «Диалог'2011». Бекасово, 25–29 мая 2011. М., 2011.
- Зализняк и др. 2010 – Анна А. *Зализняк*, И.Л. *Микаэлян*, А.Д. *Шмелев*. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // ВЯ. 2010. № 1.
- Зализняк, Шмелев 2000 – Анна А. *Зализняк*, А.Д. *Шмелев*. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Кронгауз 1998 – М.А. *Кронгауз*. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Кронгауз (ред.) 2001 – М.А. *Кронгауз* (ред.). Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1.
- Кронгауз, Пайар (ред.) 1997 – М. *Кронгауз*, Д. *Пайар* (ред.). Глагольная префиксация в русском языке. Сб. статей. М., 1997.
- МАС – А.П. *Евгеньева* (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд. М., 1999.
- Маслов 1948/2004 – Ю.С. *Маслов*. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Ю.С. *Маслов*. Избранные труды. Аспектология и общее языкознание. М., 2004.
- Маслов 1977/2004 – Ю.С. *Маслов*. Русский глагольный вид в зарубежном языкознании последних лет. II // Ю.С. *Маслов*. Избранные труды. Аспектология и общее языкознание. М., 2004.
- Маслов 1981/2004 – Ю.С. *Маслов*. Функциональная полнота и морфологическая регулярность видовой парадигмы // Ю.С. *Маслов*. Избранные труды. Аспектология и общее языкознание. М., 2004.

- Ожегов, Шведова 1998 – С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1998.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.
- Пайар 1989 – Д. Пайар. К теории перфективизации // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Спагис 1969 – А.А. Спагис. Парные и непарные глаголы в русском языке. М., 1969.
- Тихонов 1998 – А.Н. Тихонов. Русский глагол. М., 1998.
- Янда 2012 – Л.А. Янда. Русские приставки как система глагольных классификаторов // ВЯ. 2012. № 6.
- Bach 1986 – E. Bach. The algebra of events // Linguistics and philosophy. 1986. V. 9. № 1.
- Cubberly 1982 – P.V. Cubberly. On the 'empty' prefixes in Russian // Russian language journal. 1982. V. 36.
- Guiraud-Weber 1988/2004 – M. Guiraud-Weber. L'Aspect du verbe russe: essais de présentation. 1988. 2-е изд.: Le verbe russe. Temps et aspect. Aix-en-Provence, 2004.
- Janda 1986 – L. Janda. A semantic analysis of the Russian verbal prefixes *za-*, *pere-*, *do-*, and *ot-* (Slavistische Beiträge. Bd. 192. 1986.)
- Janda 2004 – L.A. Janda. A metaphor in search of a source domain: The categories of Slavic aspect // Cognitive linguistics. 2004. V. 15. № 4.
- Janda 2007 – L.A. Janda. Aspectual clusters of Russian verbs // Studies in language. 2007. V. 31. № 3.
- Janda, Lyashevskaya 2011a – L.A. Janda, O. Lyashevskaya. Prefix variation as a challenge to Russian aspectual pairs: Are *завязнуть* and *увязнуть* 'get stuck' the same or different? // Russian linguistics. 2011. V. 35. № 2.
- Janda, Lyashevskaya 2011b – L.A. Janda, O. Lyashevskaya. Aspectual pairs in the Russian National Corpus // Scando-Slavica. 2011. V. 57. № 2.
- Janda, Nessel 2010 – L.A. Janda, T. Nessel. Taking apart Russian RAZ- // Slavic and East European journal. 2010. V. 54. № 3.
- Mikaelian et al. 2007 – I. Mikaelian, A.D. Shmelev, Anna A. Zalizniak. Imperfectivization in Russian // Meaning-Text theory 2007. Proceedings of the 3rd International conference on meaning-text theory, Klagenfurt, May 20–24, 2007. Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 69. München; Wien, 2007.
- Mikaelian et al. 2008 – I. Mikaelian, A. Shmelev, Anna A. Zalizniak. Le concept de couple aspectuel est-il encore utile? // Questions de linguistique slave. Mélanges offertes à Marguerite Guiraud-Weber. Aix-en-Provence, 2008.
- Mikaelian, Zalizniak 2007 – I. Mikaelian, Anna A. Zalizniak. Why do triplets not compromise pairs? // Annual AATSEEL Meeting, December 27–30, 2007. Book of abstracts. Chicago, 2007.
- Mikaelian, Zalizniak 2009 – I. Mikaelian, Anna A. Zalizniak. Functional types of aspectual triplets in Contemporary Russian // The Slavic cognitive linguistic conference (SCLC-2009). Prague, 15–17 October 2009. Book of abstracts.
- Paillard 1991 – D. Paillard. Aspect et lexique: Preverbes et *perfectivation* en russe. Le preverbe *ZA-* // Bulletin de la linguistique generale et appliquée (BULAG). 1991. № 17.
- Veyrenc 1980 – J. Veyrenc. Un problème de formes concurrentes dans l'économie de l'aspect verbal en russe : imperfectifs premiers et imperfectifs seconds // J. Veyrenc. Etudes sur le verbe russe. Paris, 1980.

Сведения об авторах:

Анна Андреевна Зализняк / Anna Zalizniak
Институт языкознания РАН
anna.zalizniak@googlemail.com

Ирина Львовна Микаэлян / Irina Mikaelian
The Pennsylvania state university
irina-mikaelian@yandex.ru